

Ещё до того, как солнце скрылось за горизонтом, Старшая госпожа Ма вместе с госпожой Ли и госпожой Сунь принялись убирать рис и переносить его в дом.

Фан Цзычэнь раньше расспрашивал об этом супруга. Чжао-гэр тогда объяснил, что рисовые зёрна мелкие, и в отличие от кукурузы их не нужно сушить слишком долго — четырёх-пяти дней обычно вполне достаточно. С учётом недавних дождей прошла уже неделя, так что зерно определённо просохло.

Вечером, после купания, Фан Цзычэнь сидел во дворе, не отрывая взгляда от ночного неба. Гуай-цзай, притащив маленькую скамеечку, устроился у его ног. Он прилежно подражал отцу, задрал голову вверх, пока шея не затекла, но так и не увидел там ничего особенного. В конце концов, втиснувшись между колен родителя, малыш спросил:

— Отец, на что ты там смотришь?

— Смотрю на небесные знамения, — ответил Фан Цзычэнь.

Гуай-цзай склонил голову набок:

— А что это — знамения?

Мужчина размял затекшую шею и, ничуть не смутившись, принялся дурачить сына:

— Ты ещё маленький. Это наука глубокая, всё равно ничего не поймёшь.

Чжао-гэр, закончив мыть ноги, принёс табурет и устроился рядом. В доме было душно, и он хотел немного посидеть в прохладе, но не успел юноша и дух перевести, как Цзычэнь потянул его обратно в комнату:

— Давай-ка сегодня ляжем пораньше.

Тот решил, что муж просто утомился, однако едва наступила полночь, как Фан Цзычэнь легонько растолкал его.

— Что случилось? — сонно пробормотал он.

— Поднимайся скорее, — зашептал Цзычэнь, торопя его. — Пора вершить великие дела.

Чжао-гэр глянул в окно и напомнил:

— Так на улице же тьма кромешная.

— Вот в темноте-то такие дела и делаются. Ночь тёмная, ветер свежий — самое время для воришек и разбойников, — усмехнулся Фан Цзычэнь.

В их деревне собак не держали, так что юноша, решив, что муж действительно задумал украсть у кого-то курицу, впал в ступор.

«Неужели Фан Цзычэнь, такой благородный и статный человек, способен опуститься до воровства? — Чжао-гэр замер. — Стоит ли его останавливать? Может, он просто соскучился по куриному мясу? За последние месяцы мы и впрямь ни разу его не ели. Если он так хочет, у меня припрятано немного серебра — на одну птицу точно хватит»

До самой ограды дома семьи Ма Чжао-гэр шёл точно во сне, не в силах оправиться от изумления.

Фан Цзычэнь, заметив его сонный и растерянный вид, легонько ущипнул супруга за щёку и прошептал:

— Ты знаешь, где у них кухня?

Последние несколько дней он специально прогуливался здесь с сыном, якобы на прогулке, а на самом деле высматривая удобные места. Но глиняная ограда у Ма была слишком высокой, и издали мало что удавалось разглядеть. Семья была большая, построек во дворе теснилось много — шесть домиков стояли вплотную, так что сразу и не поймёшь, где именно находится кухня.

В прошлый раз, когда он приходил сюда проучить обидчиков, ему было не до осмотра территории — он слишком увлёкся, наводя страх на родню.

Чжао-гэр пришёл в себя и без колебаний указал на маленькую пристройку с самого края:

— Вон та.

— Угу! — кивнул Цзычэнь. — Жди здесь.

Не успел юноша и глазом моргнуть, как Фан Цзычэнь достал из-за пазухи странный предмет, похожий на бамбуковую трубку с торчащим из неё фитилём. Опершись одной рукой о стену, он ловко перемахнул через ограду.

Мужчина забросил взрывчатку в кухонное окно, а второй заряд отправил прямым в главный зал дома. Вытянув запальный шнур за ограду, он достал огниво и чиркнул им. Линия огня с шипением начала разгораться.

— Бежим!

Чжао-гэр только и успел услышать этот короткий выкрик, как его рука оказалась в крепкой ладони мужа.

Они отбежали уже на приличное расстояние, а юноша всё ещё не понимал, что именно затеял Цзычэнь. Он только собрался обернуться и спросить, как позади раздался оглушительный грохот, сотрясший землю.

Почва под ногами вздрогнула, в ушах нестерпимо зазвенело. В безмолвной ночной тишине этот взрыв разнёсся по всей деревне Сяохэ.

Когда пыль немного осела, стало видно, что кухня и прилегающий к ней зал семьи Ма полностью обвалились.

Чжао-гэр застыл с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова:

— Это... как же...

— Будут знать, как обижать тебя и сына, — Фан Цзычэнь крепко сжал его руку, увлекая за собой. — Помог им немного, чтобы тебе легче на душе стало.

Сперва он подумывал пробраться ночью на гору и взорвать родовую могилу семьи Ма, но потом решил, что это будет уж слишком бесчестно.

Взрывчатку он приготовил давно и выжидал удобного момента, чтобы нанести по-настоящему сокрушительный удар. Прожив в деревне несколько месяцев, он осознал, насколько ценно зерно для крестьянина. Ма с таким трудом собирали этот рис, столько дней его сушили... И если теперь весь их урожай превратился в пыль — пусть попробуют прокормиться.

Конечно, уничтожать продовольствие было расточительством, но красть его он не собирался. К тому же, оставлять зерно этой банде было всё равно что выбрасывать его — эти твари всё равно не заслуживали еды. Лучше уж пусть всё взлетит на воздух.

До перемещения Фан Цзычэнь получил блестящее воспитание: его бабушка была из знатного рода, дед — военным, а приёмная мать — наследницей огромного состояния. Благодаря строгой дисциплине его манеры были безупречны. Он был почтителен со старшими, добр к детям и никогда ни на кого не смотрел свысока. Но при этом он свято верил в простое правило: «Относись к людям так, как они относятся к тебе». Если кто-то осмеливался ударить его

ножом, он непременно превращал противника в решето.

Тот, кто посмел напасть на его мужа и сына, наносил оскорбление лично ему.

Слушая его, Чжао-гэр почувствовал, как сердце предательски сжалось. Он-то думал... думал, что Цзычэнь уже давно об этом забыл. А оказалось, что муж помнил всё, даже спустя столько дней.

В горле пересохло, слова не шли на ум. Фан Цзычэнь посмотрел вверх. Луна сияла ярко, обещая погожий день, но если он не ошибался, ближе к утру должен был пойти дождь.

Ливень смывает все следы прогоревшего шнура, и как бы Ма ни ломали головы, они ни за что не догадаются, чьих это рук дело.

— Идём скорее домой. Если нас увидят, будет хлопот не оберёшься, — шепнул он.

Взрыв был слишком громким. Юноша уже слышал вдали надрывные вопли женщин из семьи Ма и видел мерцание факелов — люди сбегались к месту происшествия.

Он не знал, как именно муж сотворил это, но если их, не спящих в такой час, заметят бродящими неподалёку, подозрений не избежать.

— Да, бежим скорее! — встревожился Чжао-гэр.

Но они всё же опоздали на один миг. На полпути им навстречу вышел Староста Хэ Чжи вместе с мужчинами из своего дома. Чжао-гэр мгновенно побледнел, ладони его стали влажными от пота. Он невольно взглянул на Фан Цзычэня, ища поддержки.

Тот же, обладая железной выдержкой, даже бровью не повёл, словно занимался подобными делами каждый день. У него был богатый опыт в ситуациях, которые могли закончиться разоблачением. Мужчина лишь успокаивающе сжал руку супруга:

— Спокойно, я рядом. Нечего бояться.

Староста, увидев парня, искренне удивился:

— Паренёк Фан, а ты-то как здесь...

— Староста! — Фан Цзычэнь заговорил первым, не давая мужчине опомниться. — У семьи Ма дом рухнул!

Хэ Чжи нахмурился:

— Да как так? Они же его только несколько лет назад подновили. С чего бы ему рушиться?

Сам он лишь слышал страшный грохот и бежал на звук, не зная, что именно произошло. Из-за осенней страды все работали до изнеможения, спали крепко и ложились рано.

— Да я и сам не приложу ума! — лицо Фан Цзычэня выражало крайнее недоумение. — Спал себе, как вдруг — бах! Вскочил, схватил Чжао-гэра, и мы припустили по короткому пути посмотреть, что стряслось. Прибежали — а там дом развалился.

Молодёжь всегда была падка на зрелища, и Хэ Чжи ни на секунду не усомнился в его словах. К тому же Чжао-гэр так тяжело дышал и обливался потом — видно было, что юноша бежал во весь дух.

Хэ Си, выскочивший из дома в чём был, выглянул из-за спины отца:

— Фан Цзычэнь, пойдём с нами, посмотрим ещё раз!

— Да на что там смотреть, — мужчина пренебрежительно махнул рукой. — Рухнул дом — и бог с ним, только дурную примету подцепишь. Не хочу я в этом участвовать, лучше уж дома выспаться.

Все знали, что Фан Цзычэнь и Чжао-гэр не ладят с семьёй Ма, так что их нежелание помогать выглядело совершенно естественно. Староста лишь махнул рукой:

— Ну, идите тогда. Ночь на дворе.

Только оказавшись дома в постели, Чжао-гэр начал осознавать реальность случившегося.

Фан Цзычэнь, его муж, отомстил за него.

Они вместе взорвали дом.

И их едва не поймали.

Эта ночь принесла ему такое возбуждение, какого он не испытывал за все девятнадцать лет жизни.

Заметив, что юноша ворочается, Фан Цзычэнь приподнялся на локте и, перегнувшись через спящего Гуай-цзая, тихо спросил:

— Ты чего не спишь? Неужели сна ни в одном глазу?

Его тёплое дыхание коснулось щеки. Они были так близко, что сердце Чжао-гэра забилося как сумасшедшее. Он весь напрягся, дыхание невольно замедлилось. Опустив глаза, он прошептал:

— Слишком уж всё было... волнительно. Не спится.

Его ресницы, длинные и изогнутые, при каждом движении напоминали крылья бабочки на ярком цветке. Фан Цзычэнь не удержался и легонько коснулся их пальцами. Чжао-гэр не отпрянул, напротив — послушно закрыл глаза.

Цзычэнь подумал, что муж его и впрямь краше любого цветка. Голос его стал чуть хриплым:

— Доволен?

— Очень, — кивнул Чжао-гэр.

Мужчина снова улегся, и в его голосе послышалась сонная усмешка:

— Рад слышать. Что ж, как только Ма отстроит свою кухню заново, мы пойдём и взорвём её ещё раз.

Чжао-гэр: «...»

Он не знал, смеяться ему или всё же посочувствовать врагам.

Луна всё ещё сияла в небе, пока её не скрыли набежавшие тучи. Свет проникал сквозь крышу, озаряя тесную комнатку. Чжао-гэр прислушался к мерному дыханию Фан Цзычэня и, открыв глаза, медленно сел.

Муж уже крепко спал.

С закрытыми глазами он казался очень добрым — не таким дерзким, как обычно. Его черты лица были безупречны. Обычно он всегда улыбался, выглядя беспечным.

Юноша принялся мысленно очерчивать его профиль.

«Такой удивительный человек — и он принадлежит мне. Как хорошо»

На следующее утро, когда Чжао-гэр проснулся, Фан Цзычэнь уже ушёл на работу. Его разбудил

Гуай-цзай.

Выйдя на задний двор, он увидел сына, который присел у курятника и увлечённо перепирался с цыплятами.

Юноша ласково погладил его по щеке:

— Ты уже позавтракал?

— Ага! — пролепетал малыш. — Папа сделал маленькие бубоцьки, вкуснятина!

Какие уж там булочки. Просто кусок теста, оставшийся со вчера, в который Фан Цзычэнь добавил сахара, разломил на куски и просто забросил в пароварку. Форма у них была неопиcуемая.

Чжао-гэр кивнул и зашёл в кухню. В кастрюле его ждали ещё две тёплые... «булочки». На сердце стало тепло. Сегодня он решил не делать кровяную колбасу; перекусив, он захватил немного свиной крови и заглянул к Чжоу-гэру. Вернувшись к обеду, он отвёл Гуай-цзая к реке постирать одежду, а когда они вернулись во двор, юноша не выдержал и тихонько рассмеялся, прикрыв рот рукой.

Сейчас вся деревня только и делала, что обсуждала происшествие в семье Ма.

<http://bllate.org/book/15357/1438885>